

КАЛЕЙДОСКОП

ОЛЕСЯ ШИШНОВА
Родилась в 1987 году
в подмосковном Норолеве.
Получила финансовое обра-
зование, но реализовалась
в сфере маркетинга. Сейчас

работает в IT-компании.
Занимается творчеством.
Прежде не публиковалась.
Участница курса BAND «На-
писать прозу. Искусство
истории».

Раннее воскресное утро, в вагоне метро вме-
сте со мной едут еще пять человек. Скоро их
станет значительно больше, а значит, мне вот-
вот придется уйти. Напротив меня, откинувшись,
сидит мужчина в бордовой толстовке, ее капю-
шон такой объемный, что, накинутый на голову,
он закрывает почти все его лицо, кроме слегка
приоткрытого рта. Кажется, что он спит. Но это
не так. Мысли в его голове с такой скоростью
сменяют друг друга, что даже мне сложно их от-
следить. Как будто кто-то каждую секунду пере-
ключает канал на телевизоре, создавая калейдо-
скоп бессвязных картинок. Его нервная система
раздражена, возможно, вчера он перебрал с ал-
коголем. Рябь от смены его неугомных мыслей
вызвала у меня тошноту, и я опустил глаза. Мои
начищенные до блеска ботинки спорили с гряз-
ным полом.

Я невольно вспомнил, как в восемь лет впервые
оказался в переполненном чужими мыслями авто-
бусе. Я видел их все разом, словно был в огромном
магазине электроники, где приборы от миксера
до телевизора заработали одновременно, каждый
на своей частоте. Они атаковали меня подобно
саранче, заполняя мои глаза, уши, а потом и все
тело, мне казалось, что меня больше нет, а есть
лишь этот бесконечный поток. Мой мозг не мог
справиться с такой нагрузкой, давление начало

нарастать, сосуды лопаться, а некоторые клетки
и вовсе отмирать.

Очнулся я уже в больнице, где провалялся це-
лых три самых увлекательных недели в моей жиз-
ни, потому что именно тогда я понял, что могу
видеть, читать и слышать других людей. Я смо-
трел на каждого, кто заходил ко мне в палату,
и моему взору открывался экран, транслирующий
все, о чем он думал. Я видел мысли своего врача,
блуждающие по телу какой-то женщины с густыми
рыжими волосами. Много подобных мыслей, ино-
гда они занимали всего его целиком, картинки
всплывали одна за другой, порой заставляя ру-
мянец вспыхивать на моих щеках. Я читал мысли
санитарок о приближающемся обеде, конце ра-
бочего дня, выходных и слышал все их скучные
мечты. Я узнал, что большую часть времени люди
говорят и делают совсем не то, о чем думают,
и что скрывают они гораздо больше, чем можно
себе вообразить.

На выписку за мной приехали родители. Отец
выглядел счастливым, ведь он забирал домой
сына, а растерянный взгляд матери я помню до
сих пор. Во все ее мысли, буквально в каждую,
вплеталось чувство вины, «недоглядела», «не
уследила». С работы она уйти не могла, поэтому
посадила дома бабушку присматривать за мной.
Со временем это чувство вины и мои смущавшие

ее вопросы отдалили нас, а работать над уменьшением развернувшейся пропасти никто из нас не хотел. Зато бабушке общение со мной нравилось, она много рассказывала о бабушке, на которого, как ей казалось, я был похож. «Твой дед был необыкновенным, таким чутким. Сидишь, бывало, грустишь, в окошко смотришь, а он подойдет с чашкой дымящегося чая, как будто мысли мои читал», – вспоминала бабуля.

«Осторожно, двери закрываются» вернуло меня в настоящий момент. Рядом сели еще несколько человек, вагон наполнялся. Чтобы не подвергать перегрузке мой «приемник», я старался избегать толп людей, но интерес к чтению их мыслей не стихал даже по прошествии многих лет. Скучная девушка с пышными ресницами и яркой помадой, готовой растечься от своей сочности, в красках представляла будущее свидание, мысли то и дело спотыкались о фантазии, делая это кино для меня невыносимым. Я снова опустил глаза на свои ботинки, казалось, они тоже заговорили: «Долго еще будем здесь сидеть?» «Да, пожалуй, пора», – ответил я сам себе и напоследок окинул взглядом вагон. Все те же мысли плыли в пространстве, не вызывая во мне ни малейшего желания вникнуть и рассмотреть их поближе.

Край глаза скользнул по парню, сидевшему напротив у самой двери: светлые, непослушные волосы, убранные в хвост, и глаза цвета бутылочного стекла, но такие мутные, словно их цвет приглушили. Его образ приковал мой взгляд: темные кожаные штаны и такая же куртка так сильно контрастировали с его глазами и волосами, будто его голову просто приставили к телу. «Впервые за утро что-то интересное», – подумал я и приготовился рассмотреть его мысли. Глазные яблоки напряглись, я словно скользил по белому полотну в поисках хоть каких-то пятен, но не видел совсем ничего. Пустота. Меня обдало волной паники. «Так не должно быть». Я судорожно посмотрел на старика в клетчатой рубашке, положившего тяжелую костлявую руку на свою тележку. Его мысли о предстоящих покупках немного успокоили меня. И я снова переключился на парня.

Опять ничего. Он сидел почти не шевелясь, отсутствующий взгляд, устремленный куда-то внутрь, он явно блуждал в своих мыслях, которые по необъяснимым причинам были от меня скрыты. Такое было впервые. Мой взгляд буквально сверлил его, но он этого словно не замечал. На следующей остановке он вышел, и я вслед за ним. Даже в толпе его невозможно было упустить из

виду: светлая шевелюра, едва сдерживаемая резинкой для волос, возвышалась над головами других пассажиров на эскалаторе, движения его были плавными и неспешными.

Выйдя из метро, он поплыл вдоль дороги, иначе это было трудно назвать, настолько мягким был его шаг. Я плелся позади, боясь приблизиться, чтобы не спугнуть. Мы прошли, кажется, пару улиц и свернули в сквер, к пруду. У зеркальной глади он остановился и замер, словно растворился в воздухе, но я по-прежнему видел его спину в темной кожаной куртке, мечтая пробраться под нее, залезть под кожу, увидеть, прочесть. Застучало в висках. «Да кто ты, черт возьми?» – барабанило в голове в такт бегущему марафон сердцу.

Он медленно развернул в пол-оборота голову, словно вслушиваясь в пространство, а затем повернулся целиком. На меня смотрели все те же зеленые глаза, но с них будто смахнули пыль. Его зрачок запульсировал, и я увидел объемный узор с миллионами колец, борозд и переплетающихся волокон, словно лиановый лес. Я был внутри, я брел по нему, пробирался сквозь, терялся, иногда падал, пока не понял, что иду по спирали. Дойдя до самого центра, я увидел черную гладь, ровную, плотную. Когда я к ней приблизился, она показалась мне бездной. Не знаю почему, но я был уверен, что мне нужно именно туда, и прыгнул в ее объятия. Почти сразу я оказался на мягкой поверхности в пространстве выпукло-черного цвета.

Мгновение спустя появилась линия, неся с собой цвет, она ломалась, гнулась, разделялась, соединялась и ударялась о пространство, создавая новые формы. Ее движение рождало цвета, оттенки, тона. У них была своя плотность, температура и даже звук. С появлением каждого нового цвета во мне появлялось то или иное чувство, ощущение или эмоция. Так он показывал мне связь. Вскоре цвет приобрел свой ритм и скорость, и мне открылись потоки, направления и пути. Немыслимые картины необычайно ярких цветов рассказывали мне его мысли и делились воспоминаниями. Находясь внутри, не знаю, как, но я все понимал. Он думал цветом, его оттенками и полутонами, смешивая и направляя их.

Я не отследил момент, когда все закончилось, и, очнувшись, уже не увидел его. Глаза болели, а мир вокруг стал пыльно-серым, как будто где-то поблизости произошло извержение вулкана и все накрыло густым пеплом.

Мои глаза бешено металась в поисках хоть какого-то яркого пятна, но, увы, различали лишь

черный и белый. Такое резкое падение цвета заставило меня испытать ужас. Я стал жадно ловить воздух, я задышался. Сел на лавку, держась обеими руками за голову. Кровь прилила к вискам, пальцы дрожали. Мимо шли люди. Они чуть замедлились возле меня, но прошли дальше. Я закрыл глаза, пытаюсь сосредоточиться на дыхании. Вдруг, точно обухом по голове, меня ударила мысль «Тихо. Я не слышу их». Черно-белые картинки замелькали в глазах, я сканировал улицу в поисках кого-то, чьи мысли смогу прочесть. Но их не было, как и цвета. Даже черный и белый слились в один сплошной поток, потеряв резкость. Что-то острое проткнуло мне виски. Больно, очень больно. Чувствую, как все вокруг стало зыбким и эластичным, я падаю...

Упал я, видимо, на что-то мягкое. Так мне казалось, потому что я не помнил, что было после. Тело не слушалось, веки не поднимались. Сделал усилие. Холодный белый зашипал глаза, и стон вырвался из груди. Закрыл, снова открыл. Цвета бурно ворвались в мою картину мира. Я резко встал с кровати и подошел к стоящему в углу стулу. Он был синим. Я не мог на него насмотреться, я видел цвет. Снова. Глаз скользнул по пространству: медицинская кровать, кафельный пол, тумбочка, стул. Я в больнице. Снова.

Не дав мне привыкнуть к этой мысли, в палату вошел пожилой человек в очках. На нем был халат некогда белого цвета, а глаза, некогда зоркие, теперь смотрели на мир сквозь большие очки. Я присмотрелся к нему, и темно-фиолетовое свечение окутало его тело.

– Очнулись? Прекрасно, – сказал он. – Как себя чувствуете? Помните, что произошло?

Свечение не проходило, я несколько раз моргнул, но оно не куда-то исчезло.

– Не-ет, – механически ответил я, не спуская с него глаз.

Он был усталым, тяжело двигался. Наверное, был конец смены, и уже немолодой организм молил об отдыхе.

– У вас случился приступ, гипертонический криз, вы потеряли сознание в парке. Что-нибудь припоминаете? – дежурно спросил он.

– Виски словно проткнули насквозь, было больно. И цвет пропал, – зачем-то добавил я.

– Да, именно так это и происходит. А из-за сжатия сосудов снижается зрительная функция, поэтому наблюдается мерцание, – понимающе объяснил он.

«Это было отнюдь не мерцание, а полная потеря цветового зрения», – подумал я, но промолчал.

А к темно-фиолетовому добавилось едва уловимое оранжевое свечение возле его головы. Врач продолжил что-то говорить, но его я уже не слушал, а лишь наблюдал эти вспышки, цветовой код, который мне предстояло расшифровать.

Этот человек был глубоко уставшим, не только физически, но и психологически, он хотел покоя. Разочарование пронизывало почти каждый его день, быть может, поэтому ему так хотелось уйти, но нужда не позволяла этого сделать. Он испытывал ко мне жалость, думая, что я одинок в этом мире, как бездомный шенок, а собак он любил больше всего на свете. Он был добрым и мягким, но прятал себя под маской мнимого равнодушия.

С того самого дня я больше не мог читать мысли других, и после выхода из больницы мне предстояло заново учиться жить в мире, где я был в некотором роде слепым. Оказалось, что не видеть то, о чем думает другой, такой же дар, как и видеть. Не могу сказать, что мне было легко привыкнуть к этому, но я стал куда более внимательным и чутким, чем раньше. Ведь теперь стало невозможным просто прочесть то, что на душе у другого, а можно было лишь наблюдать за выражением его глаз, лица, жестами и интонацией. Еще какое-то время я мог видеть свечение, но со временем это случалось все реже и реже, и мне стало казаться, что я все это выдумал. И лишь одна вещь, случайно найденная в шкафу моего деда, в квартире которого я теперь жил, не давала мне усомниться в реальности произошедшего.

Трубка кобальтового цвета с осколками цветного стекла лежала, скорее спрятанная, чем забытая, на самой верхней полке шкафа. Она была старинной, украшенной золотым орнаментом по краям, возможно, в буквальном смысле золотым. Мне не довелось застать деда, но бабушка рассказывала, что он любил антикварные безделушки. При повороте трубки ее цветные элементы отражались и создавали меняющиеся симметричные узоры. Они возвращали меня в тот самый день, позволяя снова и снова проживать тот опыт, не давая забыть связь с Ним и его миром. Смотря в калейдоскоп деда, я каждый раз видел линию, она появлялась, неся с собой цвет, ломалась, гнулась, разделялась, соединялась и ударялась о пространство, создавая новые формы. Ее движение рождало цвета, оттенки, тона. У них была своя плотность, температура и даже звук...